

Владимир Робский

ВКУС ПРОШЛОГО

«Автор»

2026

Робский В.

ВКУС ПРОШЛОГО / В. Робский — «Автор», 2026

Она выросла на гелях из тюбиков. Она никогда не знала вкуса помидора. На чердаке умирающей бабушки она нашла семена — и решила вырастить их, чтобы подарить старушке последнюю радость. Но первый плод едва не убил её единственного близкого человека. В поисках правды Алиса обнаруживает, что агрокорпорации отняли у её поколения способность переваривать настоящую еду. Теперь она должна сделать выбор: спасти бабушку или дать будущим детям шанс почувствовать вкус прошлого. Она не выбирает. Она становится мостом — ценой собственного здоровья, боли и памяти.

© Робский В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Робский ВКУС ПРОШЛОГО

ВКУС ПРОШЛОГО

Она никогда не знала настоящего голода, такого, который сводит желудок и заставляет видеть еду во сне. Её голод был другим – серым, ровным, похожим на гул вентиляции. Он не просыпался, не кусался, он просто был, как фон, как электрический светильник на стене, на который через минуту после включения перестаёшь обращать внимание.

Алиса открыла холодильник. Внутри – пять тюбиков. Три розовых, два оранжевых. На каждом – QR-код и надпись: «Био-завтрак №4, сбалансированный комплекс». Она взяла розовый, отломала колпачок, выдавила на ложку. Гель пах металлом и чем-то сладковатым, будто пластмасса, которую нагрели на солнце.

Она съела его, не жуя. Просто проглотила.

Вкуса не было. Точнее, вкус был, но она не могла его назвать – так же, как не могла назвать цвет тишины. Это было просто «нормально». Тело не возражало. Тело никогда не возражало.

Алиса выбросила тюбик в мусорный контейнер – белый куб с синим индикатором переработки – и прошла в гостиную. Комната была стерильна, как операционная. Стены – светло-бежевые, без рисунка. Окна – от пола до потолка, но за ними не было неба: только экран, транслирующий «вид за городом» с запрограммированным облаком. Она могла бы нажать кнопку и увидеть лес, или горы, или океан. Кнопка давно залипла от бездействия — она оставила стандартный режим: серое небо, ровное, как поверхность её жизни.

В углу комнаты – кресло. В кресле – бабушка.

Нина сидела неподвижно, сложив руки на коленях. Ей было восемьдесят два, но она не выглядела старой – она выглядела отсутствующей. Кожа на её лице была тонкой, почти прозрачной, с мелкими морщинами, похожими на трещины на высохшей глине. Глаза смотрели в

экран, но не видели его – они смотрели сквозь предметы, в какое-то другое время, где были другие цвета.

– Бабушка, – позвала Алиса.

Нина не ответила.

Алиса подошла ближе и опустилась на корточки рядом с креслом. Она взяла бабушкину руку – холодную, с выпуклыми венами, похожими на синие чернила под кожей. Ладонь пахла старым деревом, бумагой и ещё чем-то, чего Алиса не могла определить. Кажется, это называлось «земля». Она помнила этот запах из детства, когда бабушка ещё говорила, когда она водила её на балкон и показывала на горшки с рассадой.

– Они не нужны, – говорила тогда Алиса. – В магазине есть готовые.

Бабушка не спорила. Она просто молча поливала свои ростки. И улыбалась.

Теперь она не улыбалась.

Алиса поднялась, подошла к шкафу, открыла дверцу. Там стояли банки с чаем — настоящим, листовым, который бабушка берегла для «особого случая». Особого случая не наступало уже три года. Алиса не знала, имеет ли её поколение право пить чай, или их тела уже утратили способность переваривать настоящий кофеин. Она просто смотрела на банки, как на артефакты из музея.

Потом она вышла в прихожую. Над вешалкой висела старая полка, в которую уже много лет никто не заглядывал. На полке – коробка с надписью «Краски». Алиса не рисовала. Она вообще не помнила, зачем купила эту коробку. Но вдруг её пальцы потянулись к ней, сдвинули её в сторону – и за ней, в пыльном углу, показался маленький холщовый мешочек.

Она взяла его в руки.

Мешочек был легким и слегка упругим. Алиса развязала шнурок и заглянула внутрь. Там был стеклянный пузырек, а внутри – какие-то семена, сухие, тёмные, плоские. Они почему-то показались Алисе живыми, хотя были мёртвыми уже много лет.

На обороте мешочка была надпись, написанная синими чернилами: «Сорт "Бычье сердце". 10 августа 2031. На память».

Алиса не знала, что такое «бычье сердце», но поняла, что они упакованы в день ее рождения. Она не знала, что это помидоры. Она вообще никогда не видела помидоров, кроме как на картинках в учебниках, где они выглядели красными блестящими шарами с зеленым хвостиком.

Она высыпала семена на ладонь, посмотрела на сморщенные сухие зернышки и уже хотела вернуть их в пузырек, но вдруг почувствовала ЭТО. Тепло. Такое тепло, которое она никогда не ощущала.

Странно, но это тепло рождалось именно в сморщенных семечках, переходило в ее руку, проникало в живот, а затем поднималось и растекалось в груди – там, где, по учебникам, должно было находиться сердце. Оно забилось чаще, быстрее, будто просыпаясь от долгого сна.

Алиса сжала мешочек в ладони и посмотрела на дверь бабушкиной комнаты.

– Я что-то нашла, – прошептала она.

Никто не услышал.

Но пузырек в ладони стал чуть ли не горячим – или ей просто показалось.

Она не стала показывать находку бабушке. Вместо этого Алиса зашла в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать. Ладонь всё ещё помнила тепло, хотя пузырек уже как будто остыл. Она снова заглянула внутрь – внутри лежали семена. Они были разного размера, некоторые с белыми прожилками, некоторые – почти чёрные. Она взяла одно, самое маленькое, и положила на язык.

Вкуса не было. Только сухая, твёрдая шероховатость. Но язык вдруг сделал движение, которого она не контролировала, – будто тело помнило то, чего никогда не знало. Она выплю-

нула семя на ладонь, и с испугом разглядела его. Оно было мокрым и, казалось, окруженным каким-то сиянием, невидимым, но сиянием.

«Что я делаю?»

Она сунула мешочек с пузырьком под подушку и вышла из комнаты, оставив свой страх там, в мягкой тишине.

В коридоре пахло дезинфекцией – утром приходил робот-уборщик. Алиса прошла в гостиную и снова села рядом с бабушкой. Нина не изменила позы, но её глаза – серые, с выпцветшей голубизной – вдруг моргнули дважды, и Алиса поняла: сейчас что-то будет.

– Ты что-то нашла, – сказала бабушка.

Голос был давно забытый, шипящий, прерывистый, но узнаваемый. Алиса замерла. Бабушка не говорила так больше года. Она вообще почти не говорила, только издавала короткие звуки – что-то вроде «да» или «нет», но чаще молчала, глядя в пустоту.

– Мешочек, – продолжила Нина. – На полке. Ты нашла его.

Она не спрашивала. Она ЗНАЛА.

Алиса кивнула, не решаясь подтвердить вслух.

– Не выбрасывай, – сказала бабушка. – Это... – она замолчала, будто слово застряло в горле, как кость. – Это семена. Помидоров.

Алиса перевела дыхание. Помидоры. Она знала это слово. В учебнике по биологии была картинка: красный шар, разрезанный пополам, внутри – розовые перегородки и светлые точки. «Томат обыкновенный, плод – ягода». Там же было написано, что в 2030 году его исключили из перечня разрешённых продуктов для питания граждан в возрасте до 25 лет.

– Они опасны? – спросила Алиса.

Бабушка улыбнулась. Не губами – глазами. Уголки её век чуть приподнялись, и на секунду она стала похожа на ту женщину, которая когда-то водила Алису по балкону.

– Не для меня, – чуть слышно прошептала она. – Для вас.

Потом её голова медленно опустилась на подушку, веки закрылись, и она снова ушла в себя, в то место, где семена ещё не стали опасны, где еда пахла, где помидоры были просто помидорами, а не биологическим оружием, замаскированным под еду.

Алиса сидела рядом, чувствуя, как в груди сжимается что-то чужое, незнакомое. Это не было похоже на тревогу. Это было похоже на любопытство, но с острой кромкой, как у сломанной яичной скорлупы.

Она вышла на кухню, включила планшет. На экране засветился стандартный поисковик: «Био-информация. Рекомендации по питанию. Контакты службы контроля». Она набрала в строке: «помидоры вырастить».

Поиск выдал 37 ссылок. Все они были или удалены, или заблокированы, или переадресовывали на страницу с ошибкой. Только одна, в самом низу, открылась – архивный форум 2027 года, с единственным сообщением, без ответов. Текст был коротким: «Осторожно! Опасайтесь реакции на органику. Если вы родились после 2025 года, не ешьте ничего, что росло в земле. Это может быть для вас ядом». И мелким шрифтом была сделана надпись, которую почему-то пропустила цензура: «О-о-очень вкусная штука!».

Алиса смотрела на экран, пока он не погас от бездействия.

Алиса вернулась в свою комнату, достала из-под подушки холщовый мешочек и снова заглянула внутрь.

– Я выращу тебя, – сказала она шёпотом. – Я должна узнать, что ты такое.

Семена молчали. Но в тишине было что-то, похожее на согласие.

На следующий день Алиса пришла с работы позже обычного.

Центр мониторинга «пищевого настроения» находился в стеклянном кубе на окраине города. Снаружи он казался прозрачным, но внутри стены были матовыми, и свет в них был ровным, белым, без теней – как в операционной. Здесь работали восемьдесят операторов. Каждый сидел за своим столом, перед экраном, на котором двигались графики – синие линии, зелёные пики, красные провалы. Каждый график принадлежал одному ребёнку, рождённому после 2035 года, где-то в городе, который только что поел. Датчики, от рождения вживленные в детские организмы, считывали уровень дофамина, серотонина, кортизола и ещё двенадцати показателей, а алгоритмы превращали эти данные в цветные линии, которые Алиса должна была классифицировать.

Её работа называлась «балльной оценкой вкусового удовлетворения». На самом деле она была надзирателем.

Каждый день она видела, как одни графики вспыхивали ровным зелёным – человеку понравилось, он доволен, система работает. Но другие линии дрожали, падали, уходили в красную зону – и тогда Алиса открывала окно с личными данными и ставила пометку: «неудовлетворённость», «отторжение», «подозрительная реакция». Иногда она видела, как график резко взлетал до зелёного, а потом на следующий день падал в красную зону – и она знала: ребенок пытался экспериментировать или взрослые давали ему что-то запрещенное.

Она не знала имён, только коды. Но она видела, как молодые организмы пытаются бороться с тем, что им навязывают, как происходят попытки съесть «запрещенку».

Система не прощала таких попыток. Если ребенок трижды подряд показывал «красный» результат, его профиль передавали в службу коррекции питания. Что делали с ним и с его семьей потом – Алиса не знала. Она видела только, что график исчезал на неделю, а потом возвращался ровным, зелёным, без единого колебания. Как будто человека перепрограммировали. Она старалась не думать об этом.

Сегодня она ушла на час раньше, сославшись на головную боль. Начальница, женщина с таким же серым лицом, как у всех в этом здании, кивнула, не поднимая глаз. Алиса вышла, зашла в общественный транспорт, доехала до своей станции и вместо того, чтобы повернуть к дому, прошла в соседний подъезд.

Там жил сосед, которого она видела трижды за последние пять лет. Высокий, сутулый мужчина в каких-то старых проволочных очках. Его называли «ботаником», потому что соседи знали, что он держал на балконе что-то зелёное – запрещённое, но не афишируемое. Алиса узнала об этом случайно: однажды он открыл дверь, когда она зашла к своей подруге, а потом проходила мимо, и из его квартиры пахло влажной землёй. Тогда она не придавала этому значения. Теперь – да.

Она постучала.

Дверь открылась почти сразу, как будто он ждал. Или не ждал, а просто всегда был готов к визиту.

– Здравствуйте, – сказала Алиса. – У вас есть... ну, я не знаю, как это называется. Выращиваете растения? Мне нужно что-то маленькое. Для одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.